

НАША СТРАНА

Год издания 37-ой, Буэнос Айрес, суббота 23 февраля 1985

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 23 de febrero de 1985 No. 1804

МЫСЛИ В СЛУХ

ВЫБОРЫ КАК ФИКЦИЯ

Сами выборы почти что во всех современных государствах являются в той или иной мере фиктивными. Не говоря уже о "выборах" в так называемых социалистических однопартийных странах, в которых в действительности от выборов ничего кроме чистой фикции и не осталось. В социалистических странах кандидаты фактически назначаются партаппаратом, т. е. партийной администрацией. Причем, как всем известно, на каждую должность выдвигается всего лишь один кандидат, за которого затем и голосуют так называемые "избиратели". Таким образом, в действительности эти избиратели никого не выбирают, а лишь формально утверждают заранее выбранного и назначенного кандидата. Причем избиратели не оказывают никакого, даже малейшего влияния на подбор и выдвижение этих кандидатов. Так что, вся эта процедура, как предвыборная, так и сами выборы, не является ничем иным как сплошной фикцией. Однако, эта фикция считается необходимой, потому что только благодаря ей сохраняется другая фикция: легитимности самого политического режима и государственного строя.

В многопартийных режимах эта цепь фикций гораздо лучше замаскирована. Во-первых, в большинстве случаев, население может в какой-то мере, так или иначе, оказывать некоторое влияние на подбор кандидатов, хотя партаппараты все же пытаются сохранить право окончательного решения за собой. В большинстве случаев, на практике получается так, что партаппараты подготавливают нескольких предкандидатов, из которых в конечном итоге выдвигается тот, который имеет большие шансы на популярность среди избирателей. Во-вторых, наличие нескольких партий дает возможность избирателям отдать предпочтение одному из них, но не выходя при этом из закрытого круга весьма ограниченного числа лиц, очень часто всего лишь двух. Так что, на деле получается, что такие выборы тоже являются в конечном итоге своего рода фикцией, так как избиратели никогда никого не отбирают, а возможности выбора заранее весьма ограничены. Такие выборы нередко невольно напоминают поговорку "из огня, да в полымя". Хотя такая система очень часто сильно вредит самому демократическому строю, приводя его в неоднократные тупики (как например в латиноамериканских странах, где несмотря на все, вот уже более полтора века делаются упорные попытки как-то осуществить такой политический порядок), все же эта система всячески охраняется от возможных реформ.

Любая реформа в этой области подорвет власть и привилегии партаппаратов, которые поэтому ей решительно и сопротивляются.

И. А.

ТРИБУНА РЕДАКЦИИ

С В О Б О Д А Н Е Д Е Л И М А

"Наша Страна" всегда была открыто монархической газетой, понимая при этом русскую монархию так, как ее понимал Иван Солоневич, например, в своем труде "Народная монархия". То есть, "Наша Страна" стоит за православную, соборную и народную монархию. Больше того, "Наша Страна" считает православие, соборность и народность государственного строя для России как бы общим знаменателем для всех возможных русских политических вариантов. Монархия является лишь наилучшим и наиболее подходящим числителем для этого знаменателя". (Из передовицы № 1794, от 15-12-1984).

Мы считаем себя почвенниками и союзниками всех русских почвенников, если даже некоторые из них и не осознают себя открыто монархистами. Мы против беспочвенных идеологизмов, так как считаем, что они поработают политически и экономически (а иногда и духовно) все общество.

Мы считаем, что личность, с присущей ей свободной совестью, выше общества. Из этого основного принципа мы и выводим наш монархизм, так как ответственность за высшую власть должна лежать на совести одного человека, в то время как управительная власть должна осуществляться соборно, при широчайшем применении самоуправления.

Важнейшим элементом в этой общей политической концепции является требование подлинной свободы на всех уровнях всех отраслей национальной жизни. Хозяйственная свобода, таким образом, не только является в нашем понимании исторической константой исторической России, но и важнейшей предпосылкой для всеобщей свободы для нашей страны. Экономическое равновесие достигаемое через свободное делание всех жителей и граждан нашей страны должно явиться основой и для общественного и для политического равновесия. Свобода неделима, а так же не может быть обусловлена догматическими идеологизмами. Без экономической свободы нет свободы общественной, ни политической.

Но экономическая свобода будет всегда под угрозой при засилии государственных или частных монополий, особенно в области денежного хозяйства.

"Уже Аристотель обратил внимание на то, что государству нужна хорошая "экономика", то есть "домохозяйство", но весьма вредна "хрематистика", то есть "денго-хозяйство", особенно в том, что касается накопления богатств (то есть капитала) путем наживы на процентах при помощи отвлеченных финансовых махинаций. В наши дни эти махинации достигли поистине чудовищного изощрения, путем выдумывания самых сложных инструментов искусственного контролера над почти что всеми ресурсами отдельных стран". (Из передовицы "Соборный строй", № 1718, от 25-6-1983).

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

АНДРЕЙ РУБЛЕВ И АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ

Вячеслав Завалишин написал довольно примечательную статью об Андрее Рублеве (см. "Русское Возрождение", № 25, 1984). Статья не столько о фильме А. Тарковского, а скорее об иконописце. Вообще-то Завалишин высоко ценит Тарковского как режиссера, но он не согласен с его трактовкой образа Рублева в фильме.

В. Завалишин прав в том отношении, что название фильма Тарковского не совсем соответствует содержанию. Это скорее эпоха Рублева, отдельные эпизоды, которые более или менее связаны с ним и которые более или менее могли иметь место при его жизни. Действительно, мало что известно о жизни Андрея Рублева, так что создать фильм о нем на биографической основе несомненно было бы делом затруднительным.

Мне вспоминается маленький кинотеатр в Париже, где я видела этот фильм в первый раз в 1970 году. Кинотеатр был набит русскими; все спорили, шумели, кричали, не слушая друг друга. Я не уверена, были ли среди зрителей французы; может быть и были в небольшом количестве. Слышно их, во всяком случае, не было: они потонули в русской стихии. Спорщики, в основном, делились по возрасту: старшее поколение выдвигало возражения типа "разве, тогда носили такие одежды" и "у татар было совсем другое оружие". Молодые были просто в восторге и возражали, что это не так важно... Фильм что-то говорил им, рожденным (или, по крайней мере, выросшим) во Франции, будоражил их души, забавал какие-то самые сокровенные струны.

Но возвратимся к критике Завалишина. Справедливо ли упрекать Тарковского в том, что он не последовал взглядам А. И. Анисимова? Ведь Тарковский не имел возможности слушать профессора Анисимова и, вероятно, был даже лишен возможности читать его. Да и прав ли А. И. Анисимов в своем определении Феофана Грека как "эллипа, превратившегося в славянина". И. М. Концевич, например, говорит о Феофане Греке совсем другое: "Его манера писать принадлежит македонской школе, т. е. греко-славянскому искусству". 1) Он видит здесь влияние "сербо-афонской иконографии". То же думают и некоторые другие исследователи: "... манера письма Феофана не встречается ни в одном памятнике, достоверно происходящем из Константинополя, ни в памятниках, связанных с константинопольской художественной традицией". 2)

Дальше В. Завалишин утверждает, что Тарковский не показал Андрея Рублева "философски образованным человеком". С этим можно спорить. Очень впечатляющая сцена фильма в соборе во Владимире, где Феофан Грек является Андрею Рублеву с того света, насыщена религиозно-философским содержанием; это отзвуки тех словопрений, которые иконописцы вели до смерти Феофана

Грека. Это — как бы завершение словословия своего времени. И когда Феофан Грек, в ответ на сомнения Андрея Рублева, что Бог простит его, отвечает ему: "Бог-то тебя простит, ты сам себя не прощай" — эти слова вмещают глубокую религиозную идею, присущую православной иконописи, звучащую совершенно непривычно в современном фильме, не говоря уже о советской картине.

Следующим спорным пунктом является утверждение В. Завалишина, что "панорама Руси пятнадцатого века показана режиссером чрезмерно грозной, слишком уж мрачной и хмурой. Вот вздох облегчения после победы на поле Куликовом зритель в этом фильме и не ощущает". Конечно, "ощущение" вызываемое искусством — субъективно. Когда мастер, почти мальчик, успешно выливший колокол, лежит обессиленный в грязи, Андрей Рублев, нарушая свой обет молчания, подходит к мальчику и уводит его с собой. Итак, эпизод литья колокола кончается на оптимистической ноте: это момент духовного просветления и для иконописца, и для зрителя. А кроме того, поток икон Андрея Рублева в конце фильма, в красках (в то время как весь фильм черно-белый), пробуждает светлое настроение. Это — световой ливень, который не может не вызвать добрых надежд.

Что же касается того, что фильм, кроме заключительных кадров, черно-белый, А. Тарковский высказался в интервью в Англии в том смысле, что он предпочитает черно-белый кинематограф и считает цветные фильмы менее "реалистическими". 3)

После создания фильма в 1966, он прошел сложный путь. Пять лет фильм пролежал в каких-то "запасниках"; вероятнее всего, его не показывали из-за полного несозвучия материалистическому мировоззрению все еще официально навязываемому на нашей родине. В 1970 году фильм был послан на международный кинофестиваль в Каннах. В последний момент, однако, он был снят с конкурса и вместо него было предложено два других фильма. Советское правительство приняло все меры, чтобы предотвратить демонстрацию "Андрея Рублева" во Франции. А на родине автора упрекали в изображении "чрезмерных жестокостей и в вульгаризации". На запрос тогдашнего министра культуры Франции, А. Малро, о причинах снятия фильма, советский посол Зорин ответил: "Наши историки обнаружили в нем в последний момент некоторые неточности". Не знаю, поверил ли этому Малро; мы-то, конечно, не поверим, прекрасно зная о работе советской предварительной цензуры. В каком-то смысле В. Завалишин повторяет, таким образом, советские официальные утверждения, заключая свою статью фразой: "Образ Андрея Рублева в этом фильме антиисторичен".

Что фильм был признан неподходящим и для "внутреннего употребления" доказывает тем фактом, что он был показан только через несколько лет, да и то в основном в

Москве, в небольших кинотеатрах и клубах.

Мне представляется, что В. Завалишин совершенно прошел мимо "второго плана" картины, его символизма. Ведь это фильм о России, о судьбах страны, о ее настоящем и будущем. И отчасти это фильм о русской интеллигенции. Потому что Андрей Рублев — вопреки тому, что говорит о нем В. Завалишин — и представитель русской интеллигенции своего времени. И беседы, и споры его с Феофаном Греком — чисто интеллигентские споры о народе, о России, о вере, о роли искусства. Ведь Россия — боль и Андрей Рублев, и Андрея Тарковского. Несправедливость, жестокость, страдания — это лишь вехи на пути к просветлению. Может быть, режиссер хотел показать, что искусство переживет и варварство и дикость, что человеческий дух сильнее тьмы и бездны, что из дикого и безобразного настоящего может вырасти и сохраниться нетленная красота. Надо только уметь ее увидеть. И распятие на фоне бесконечных снежных просторов не олицетворяет ли распятую ныне Россию? Но тогда в будущем, может быть, и ее воскресение?

Да, варвары, да татары, дикари, но самое ли они страшное? В этих дикарях есть что-то детское. Как сказал о них Валерий Брюсов в "Грядущих гуннах"

Вы во всем неповинны, как дети!

Современные "гунны" страшнее: они могут убить не только тело, но и душу.

Как могло случиться, что такой тонкий критик как В. Завалишин не заметил этих чисто интеллигентских словопрений о природе добра и зла и прочих метафизических тонкостях (прямо из Достоевского)? И как знакомо звучат слова Андрея Рублева о повсеместном торжестве зла в мире и о людях, готовых продать кого угодно и что угодно за тридцать серебряников! Кстати, в знаменательной сцене во Владимирском соборе показан и образ князя-предателя, сотрудничающего с татарами, несмотря на клятву верности великому князю, данную в этом же самом соборе. Как тонко сделана эта сцена, когда на зрелище грабежа и насилия накладывается та прежняя сцена, которую князь видит своими духовными очами. Андрей Рублев упоминает голод, набеги кочевников, мор. Он говорит о мужиках, которые работают, терпеливо и безропотно неся свой крест, не впадая в отчаяние в своем смиреннии. И он спрашивает: "Неужели Господь не простит этому народу его невежество и дикость?" Этот же вопрос задаем и мы, вот уже скоро семьдесят лет... Когда дух Феофана Грека является Андрею Рублеву в соборе, он спрашивает: "Русь, Русь, она все снежет. Но как долго это еще продлится?" И получается малоутешительный ответ: "Вероятно всегда". И все-таки этот приговор опровергается в конце фильма апофеозом икон, сияющими образами нашей веры.

Споры Феофана Грека с Андреем Рублевым отражают в какой-то мере и разногласия славянофилов и западников, и современных неославянофилов и их противников. И, может быть, разрешение этого спора

историей уже не далеко, и оно приведет к торжеству добра над злом, как бы сильно это последнее не казалось.

Разве бескрайные снеговые просторы нашей родины с редкими, остро вычерченными черными избушками и до сих пор не те же самые? Вспоминаю повздуку из Москвы в Александров — зимой. Снег, безграничная снежная равнина и на ней жалкая горсточка черных, бревенчатых домишек. Кроме нелепых лозунгов и убогих вывесок мало что изменилось: все как при Иване Грозном. Почти нет новых построек и, слава Богу, нет модных домов-коробок. Как этот пустынный ландшафт похож на кадры Тарковского! А ведь это и есть Россия, Россия сегодняшнего дня. Тарковский видит ее страдания, он ищет ответа, он хочет помочь. И разве не простим мы ему некоторые мелкие недочеты за его великую любовь России, за его сострадание к народу, за его тоску по русскому, по христианскому решению нашей судьбы. То, о чем раньше можно было только догадываться, что можно было уловить только в подтексте картины, стало теперь реальностью: в своей нашумевшей пресс-конференции в Милане после решения остаться на Западе, Тарковский прямо говорит о своих религиозных убеждениях, о своей приверженности к традициям, о связи отдельного человека с историческим прошлым народа. Он подчеркивает, что его собственное обращение к вере не единичное явление, а широкое и мощное духовное возрождение, захватывающее все более и более широкие круги, особенно молодежь. И дай Бог ему воплотить свои христианские идеи в будущих фильмах, поставленных не на антирелигиозном Востоке, а на архаическом Западе!

В последних кадрах "Андрея Рублева" доминирует огромный образ Спасителя и, может быть, это и есть ответ: в Нем спасение, в Нем избавление, и, как православное искусство Андрея Рублева приближало верующих к Богу, так и христианское и глубоко русское искусство Тарковского возвращает нас к нашим православным и русским истокам.

Спасибо Андрею Тарковскому за Андрея Рублева!

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

И СМЕХ И ГРЕХ...

Андропов узнал, что Черненко "простудился, и звонит ему с того света: "Я слышал, ты к нам сюда собираешься, так не забудь себе и мне ложки захватить". Скончался Черненко, отправился на тот свет, а про ложки забыл. Встречает его в аду Андропов: "Ну что, где же ложки? Забыл? Теперь будешь, как и мы, — тут всех коммунистов заставляют баланду серпом и молотом хлебать".

Тост: выпьем за то, чтобы у нас все было, но нам за это ничего не было.

1) Н. М. Концевич "Стяжание Духа Святаго в путях древней Руси", Париж, 1952, стр. 161.

2) Ш. Я. Амиранашвили Феофан Грек и Андрей Рублев, "Андрей Рублев и его эпоха", ред. М. В. Алпатов, Москва, 1971, стр. 174.

3) "Sight and Sound", Summer 1981, vol. 50, Nr. 3.

О русской национальной молодежи

О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

В наши дни горестного упадка и затупления национального самосознания и чувства среди русского молодого (4-го уже) поколения русской эмиграции, (да, что греха таить — и среди более старшего), мне кажется полезным вспомнить наши настроения пол столетия тому назад. Чем жила и на что молилась русская национальная общественность и не только в далеком Харбине, а во всем мире.

Где они теперь, уже взрослые и даже наверное "дедушки", питомцы "Русского Дома"? Живут ли они теми чувствами, которые им старались привить в детстве?

Эти мысли пришли мне в голову перебирая мои домашние архивы и просматривая сохранившиеся у меня номера "Морского Журнала" за 1934-й год.

А. Хазов

РУССКИЙ ДОМ В ХАРБИНЕ

Двенадцатый год в Харбине существует Русский Дом, управляемый лейт. К. И. Подольским. Дело, начатое 11 лет тому назад в наемном помещении с десятком полуголодных мальчиков, в настоящее время, благодаря умелому руководству К. И. Подольского, стало гордостью русского населения Харбина.

Каждый год Русский Дом устраивает отчетные концерты, на которых демонстрируются достижения воспитанников.

В этом году концерт был устроен 20 февраля, прошел двумя сеансами и собрал огромное количество публики. Были почти все представители русской правой общественности, японского командования и администрации Великого Харбина.

Начался концерт хором воспитанников под аккомпанимент собственного оркестра, исполнившего несколько прекрасных русских песен. Закончилось первое отделение номерами на редкость сыгранного струнного оркестра.

Второе отделение было спортивным. В нем морские кадеты показывали упражнения на гимнастической лошади, упражнения на палашах, строили пирамиды. Все упражнения были образцом ловкости и явно показывали, насколько преподаватели Русского Дома успешно заботятся о душах и телах собственных воспитанников.

Перед этими упражнениями директор приюта лейт. К. И. Подольский обратился к присутствующим с краткой речью. В ней он указал, что задача воспитателей — внушить детям чувство долга перед родиной.

Дети исполнили перед публикой сигнал, данный адмиралом Нахимовым перед боем. Превосходное исполнение сигнала вызвало восхищение публики.

Концерт закончился музыкальной картиной "Видение офицера", которая сопровождалась струнным оркестром.

Впечатление от картины получилось огромное. Сцена представляла берег Бизерты в Африке. На рейде видны силуэты судов, эвакуировавшегося Черноморского флота. Вдали слышится вой шакалов. Выходит на сцену русский офицер. Его терзают сомнения. Он говорит:

Как пусто, холодно и мрачно все кругом.
Измучены походом небывалым,
Изгнанники заснули мертвым сном
Под злобный и унывный вой шакала.

Ужели здесь могила русской славы,
Последнее прибежище знамен?
Ужели здесь, Российская Держава,
Последний флот навеки погребен?

Не может быть! Не правда! Это бред!
Ужасный сон! Игра воображения!
Нельзя забыть восторг былых побед
И гордой радости Гангутского сраженья!

Лаптя рыбацья гибнет без следа,
И с корнем ураган уносит прочь деревья,
Для каждого из нас приходит черед
Исчезнуть навсегда... Меняются кочевья.

Но армия и флот исчезнуть не должны.
На знаменах начертаны заветы
Великого Петра, орлов Елизаветы,
Екатерининских орлов...

Защитников Москвы, Малахова кургана,
Героев Карса, Плевны, Туркестана,
Всех наших прадедов, и дедов, и отцов...

Но кончено. Под мрачный вой шакала.
Погибнут все здесь корабли
И сабли отстегнут бесславно адмиралы,
И ржавчиной навеки покроются штыки...

Позор, позор! Те счастливы, что пали
В бесчисленных боях, в последние года
Могила армии и флота не видали
И не увидят никогда!

А мы, свидетели бесславного конца?
Развеет нас судьба по разным странам света

Без роду, племени, без русского лица,
Без чести воинской, без шпага и эполета...

Офицер садится на камень и засыпает. Раздаются звуки "Коль Славен". На обломке каменной скалы вырисовывается фигура России. Офицер обращается к ней:

Видение чудное! Тебя я узнаю.
Такой я знал тебя в дни юности счастливой
В блестящем шлеме и с мечом в руках,
С поднятой головой, с улыбкой горделивой
И с царственной улыбкой на устах.
Россия, наша Мать! Спаси своих детей!
Была в Крыму жестока оборона...
Враг победил, и вот на брег чужой земли
Нас принесли родные корабли
И мы должны навеки свернуть твои знамена...

— Встань, офицер. В годину испытаний
Ты Матери своей один не изменил.
Ты всем пожертвовал. Мучений и страданий
Ты чашу полную и страшную испил.

Детей моих спасти одна лишь может вера
Дух бодрый пробудить в сердцах.
Так знай же — славный путь героя-офицера
Не будет кончен здесь, на этих берегах.

Года пройдут... Я разобью оковы,
Враг поразит предателей врагов,
Вернет мне меч. Под сень знамен я снова
Всех созову своих сынов.

С заводов Франции, с плантаций Аргентины,
Из Югославии, с болгарских рудников,
Из знойной Сирии и из далекого Китая,
Из марокканских доблестных полков...

Прославится на век всей эмиграции долина.
Здесь чудо совершит великий дух Петра,
Воспрянет снова рать и в память исполина
Вновь грянет русское победное ура.

Хор воспитанников поет Преображенский марш. Во время марша появляются по очереди тени Петра Великого, Суворова, Кутузова и адмирала Нахимова; Нахимов обращается к Петру Великому:

Великий Петр! Шквал страшный Русь развеял,
Разбил созданное в ней гением веков,
И вместо знамени апостола Андрея —
Лишь тряпка красная от крови моряков.

А в водах Африки, по воле злого рока,
Стоит наш флот... без флага... сколько лет
Стальные рыцари задумались глубоко,
Исполнив дедовский пред Родиной завет.

Видение исчезает. Офицер остается один перед занавесом. Бьют 8 склянок. Офицер пробуждается, осматривается и говорит:

Нет, все пройдет! На гранях океанов
Вновь оживет Российский славный флот,
От бурь и гроз, от гибельных туманов
Страны родной защита и оплот.

Да сбудется, да сгинут дни лихие!
Пройдет и он — девятый страшный вал,
На мостик ввек не гибнувшей России
Опять взойдет Державный Адмирал!

Раскрывается занавес. На сцене на фоне Кремля мостик корабля. На мостике фигуры Петра Великого, Суворова, Кутузова и Нахимова. На боевой рубке — сияющая Россия. Все сцена занята караулом и детьми Русского Дома.

Происходит подъем Андреевского Флага с церемонией; вся публика, как один человек, встает на ноги. Создается сильное патриотическое настроение.

Кончился вечер чествованием К. И. Подольского. На сцене появляются морские офицеры, которые читают адрес "командиру крейсера первого ранга" "Русский Дом" — К. И. Подольскому, находящемуся в дальнем плавании. Адрес заканчивается пожеланием скорого возвращения крейсера на берега Невы, где он должен "бросить якорь"...

Прошедший концерт, как нельзя более, выявил всю силу патриотического настроения, которое владеет русскими эмигрантами, проживающими в Харбине.

Еще лишний раз показана необыкновенная целесообразность этого учреждения, глубоко патриотического, очень успешно преследующего свои патриотические цели, создающего людей, воспитанных в принципах религиозности и любви к родине.

Смысл и значение Русского Дома усугубляется сейчас еще и тем обстоятельством, что в текущий момент слишком тяжела жизнь и обстановка мировой депрессии угашает лучшие чувства в сердцах людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Иосиф Бродский. "Стихотворения и Поэмы". Издательство Inter-Language Associates.

Автор предисловия Г. Стуков утверждает, что в произведениях поэта нет ярко выраженной *антисоветскости*. Однако, метафорический язык лирики Иосифа Бродского изобилует прозрачными символами осуждения порочной ленинской системы. Так, например, в стихотворении "Памятник" в торжественно-приподнятом тоне воспеваются проект: там будут и монументальная фигура гения, и клумбы цветов, и свет прожекторов снизу. Последняя фраза стиха звучит неожиданно, но справедливо для фальшивой советской действительности: "Поставим памятник лжи". Тут Бродским применен излюбленный художественный метод Генриха Гейне, — контрастно-

саркастическое заключение.

Аттическая соль осуждения советчины поблескивает и во многих других стихах. "Опальная душа" поэта горестно наблюдает и "безумное спортсменство" и знаменательные "перезезды от сумрака Москвы до Петербурга", и сумрачную символическую фигуру с молотком, которая "стучит, забывая гвозди в прошедшее, в настоящее, в будущее время".

Лучшим произведением сборника является поэма "Исаак и Авраам". Эпическое полотно поэмы живописует события 22-ой главы "Бытия", когда Бог повелел Аврааму принести в жертву своего сына.

В пересказе библейской темы поэт художественно окреп и как бы обрел *второе дыхание*.

Четкий, медлительно-мелодичный ритм поэмы звучит в унисон древнейшему времени. Язык метафор сделался предельно ясным, отрешившись от прежнего стиля *суггестивно* нагроможденных символов, наблюдаемого в кратких лирических произведениях. Пейзажи рельефно зримы. Аромат древнего

бытия воссоздан. Одной из художественных находок поэта являются лирические отступления, посвященные мистике букв. Исаак во сне видит куст, ветви которого напоминают ему то букву "К", то букву "У":

Так вот что Куст: К, У, С и Т.
Порывы ветра резко ветви крелят
Во все концы, но встреча им в кресте,
Где буква "Т" все пять одна заменит.
Не только "С" придется там уснуть,
Не только "У" делиться после с нами.
Лишь верхней планке стоит вниз

скользнуть
Не буква "Т" — а тотчас КРЕСТ пред нами.

Крест зримый в букве "Т" это не только загадочный сон Исаака, но и реальность связующая Ветхий Завет — с Новым. Исаак, несущий вязанку дров на гору Мория, является предвестником Иисуса Христа, несущего крест на Голгофу.

Иосиф Бродский не только воссоздает запоминающимися психологическими штрихами трагедию Авраама, ведущего на жертвенное заклание своего сына, но как бы отражает

зоркость древних пророков, раскрывавших подспудное значение слов.

Трудным путем должен был идти поэт, чтобы возвысится до умозрения креста в ветвях кустарника в простой букве "Т". "... Сами буквы больше слова, шире". Они, эти загадочные буквы, иной раз противоречат смыслу слова:

Но вот урок: пришла пора слова
Учить по форме букв, в ущерб
словам.

Мистические мотивы щедро и многообразно отразились в русской поэзии. Однако религиозных эпических поэм (поэм с сюжетом) не так уж много. Тем большую ценность приобретает песнь о клятвенной верности Богу — поэма "Исаак и Авраам".

Однако для улучшения ее гармоничности надо было бы в последующих изданиях сделать очень небольшое — избавиться от некоторых неологизмов, звучащих диссонансом по отношению к ветхозаветному времени.

Анатолий Бор

11 февраля 1985 года, после тяжелой болезни, тихо скончался на 92-ом году жизни военный инвалид, поручик 42-ой артиллерийской бригады

Императорской Армии, воспитанник Константиновского Артиллерийского училища выпуска 1915 года

Я К О В А Л Е К С А Н Д Р О В И Ч Я К И М О В И Ч

о чем с глубоким прискорбием сообщают сестра Татьяна, брат Сергей с семьей и семьи Андруссен, Гореловых и Браво.

В 40-ой день кончины в пятницу 22 марта в 19,30 часов будет отслужена панихида в храме Св. Сергия Радонежского в Вижа Бажестере.

По страницам советской печати

ПОКАЗАТЬ, ЧТО ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ НЕ ГАСЛА

В 1946 году его вызвали в Москву и предложили работать по специальности. То есть практически его скоро заметили. Он стал руководить научно-исследовательской темой. Ему дали лабораторию. Через два года случилось новое несчастье — произошел взрыв, Волкову обожгло руки, голову, переломало кости. Чудом сохранились глаза. Когда он подлечился, его наказали. Как руководитель, он должен был отвечать. Отправили в Магадан, где сделали начальником производства. С неподдельным восторгом описывал он поездку на пароходе — пролив Лаперуза, последний маяк Японии, Охотское море... Во время шторма он носился с кормы на нос, стараясь ничего не упустить. Качка на него не действовала. Он любовался бурей и сравнивал ее с картиной Айвазовского "Девятый вал". В свое время у него, видите ли, имелось сомнение — правильный ли цвет волны выбрал художник, бывают ли такие краски, особенно на гребне? Вцепившись в поручни, он проверял, огромный вал вздымался над головой, и оказалось, что Айвазовский прав. Приглядываясь к пылающим краскам тайги, он вспоминает Куинджи, Левитана, Шишкина, Васильева, ну прямо заметки искусствоведа, будто он то и дело забегает в Русский Музей сравнить. Любопытный читатель вознегодовал бы — чего он строит из себя, ваньку валяет, до пейзажей ли? Манерничание все это! Но я-то знал, кто пишет и кому. Ему надо было ей показать, что в любых условиях духовная жизнь его не гасла, в нем осталось поэтическое восприятие мира, не надо его жалеть, он все тот же, ему не нужны скидки. Иногда он перебирал в своих восторгах перед дикой красотой природы. Его благодущие сбивались на фальшь. Ни одной жалобы, ни злости, ни укора — ничего не позволил себе. Роль трудная, под конец ему все больших усилий стоило удерживать себя, сам себя за горло держал, иногда полузадушенный вскрик послышится... А в целом — справился, получилась негибкая личность, живущая полноценной жизнью, ему все ни по чем, никакие обстоятельства его не удручают. Всюду есть пища пытливого уму, вот вам целое исследование о блатном языке, происхождение словечек "шмон", "прохор", "чернуха", и других. На предпоследней странице были строчки, подчеркнутые знакомым алым фломастером: "Недавно стало мне известно, что срок мне сократили благодаря хлопотам одного из наших фронтовиков. Признаться, от него не ожидал такого. Помнит о моем жребии. Узнать бы, что заставило его?"

(По повести Даниила Гранина "Еще заметен след". "Новый мир", январь 1984).

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

РАСЧЛЕНИТЕЛИ ИМПЕРИИ

Что-то мне совсем не нравится журнал "Вече"! С. Солдатов поносит Российскую Империю, О. Поляков воспекает достижения Октября, Т. Савченко требует отделения Туркестана... И все вместе хотят устроить свое государство в рамках чисто славянского населения.

По какому праву они распоряжаются нашей родиной? Казанские татары входят в Империю со времен Иоанна Грозного, крымские со времен Екатерины Великой, Кавказ со времен Николая Первого, средняя Азия со времен Александра Второго. Мы все с тех пор вместе с русскими за Россию кровь проливали, ее строили и укрепляли. И пока она была истинно православная и верующая, никто нас, мусульман (или наших братьев — буддистов), не унижал и не угнетал. Впрочем, православие тут и не причем: якуты и чуваша, например, по крови турки, а по вере — православные. Но для

"Вече" они все, видать, мы все, граждане России неславянского происхождения, — люди второго сорта!

Царская-то Россия распространялась на Восток, а славянам западным и южным хоть и сочувствовала, а их присоединять не стремилась. Почему же "Вече" требует включения карпатоссов и исключения жителей Сибири, Урала, Поволжья?

Ссылка на то, что гнусный и глупый советский режим не умеет извлекать пользы из Туркестана — чушь совсем: он и из Московской области выгоды не извлекает! На то и завоевания Октября, с коллективизацией и концлагерями: приходится хлеб за границей покупать. Надо не Россию расчленять, а коммунистов прогнать.

Стыдно, господа из "Веча"! Поете с голоса врагов, вроде Дж. Дэнлопа и Э. Каррер д'Анкосс...

Г. Садыкбаев (Канада)

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная еженедельная газета, издаваемая в городе Сан Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год — 60,- долларов, на полгода 35,- долларов, на 3 месяца — 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер тел. М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 50 песо. В остальных странах — 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguei Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires
Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980